

ОЛЬГА ТРАВИНА

Суп для дракона

Харчевня на Кривом тракте · книга первая

Ольга Травина

Суп для дракона

<https://litres.ru/74677649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера, сорок один год, нутрициолог и мама взрослого сына, поскользнулась у рынка с банкой квашеной капусты и очнулась в теле молодой вдовы. В наследство ей достались разорённая харчевня на Кривом тракте, заросший травяной сад, кот с дурным характером и долг, который нужно отдать за тридцать дней. А ещё королевский инспектор, который грозит закрыть заведение, не ест уже три года и покрывается инеем, когда злится. Местные целители смеются над вдовой, которая «лечит кашей». Смеются ровно до осенней ярмарки. Уютная история с юмором, едой и медленной романтикой.

Содержание

Глава 1. Квашеная капуста как причина смерти	5
Глава 2. Инспектор с инеем на ресницах	17
Глава 3. Домовой на забастовке	28
Глава 4. Каша, которая мирит	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Травина

Суп для дракона

Ольга Травина

СУП ДЛЯ ДРАКОНА

Серия «Харчевня на Кривом тракте», книга первая

* * *

Глава 1. Квашеная капуста как причина смерти

Если бы меня спросили, как я умру, я бы ответила честно: от недосыпа, от чужих анализов или от того, что мой сын однажды позвонит и скажет, что ест одни пельмени. Квашеная капуста в этом списке не значилась.

Тем не менее всё началось с неё.

Был конец ноября, Самара, гололёд, какой бывает только у нас: сверху снежок, снизу стекло. Я шла от Троицкого рынка с трёхлитровой банкой капусты в пакете. Капусту я брала у одной и той же бабушки уже девять лет, потому что у неё она хрустела и пахла яблоком, а у остальных пахла подвалом. Банка была тяжёлая, пакет тонкий, телефон в кармане звонил. Звонил Митя. Он звонил редко, раз в неделю, обычно в воскресенье, и я, разумеется, полезла за телефоном, не останавливаясь.

Последнее, что я помню, это хруст. Не знаю, чей: льда, банки или мой собственный. И ещё мысль, удивительно спокойную: «Только бы капуста не разбилась, я за неё четыреста рублей отдала».

Потом было темно и тихо, и пахло полынью.

Полынью пахло и тогда, когда я открыла глаза.

Надо мной был потолок. Деревянный, с тёмными балка-

ми, на одной висел пучок сухой травы, а с пучка свисала паутина такой толщины, что на ней можно было сушить бельё. Я полежала, разглядывая этот потолок, и честно попыталась понять, в какой я больнице. Ни одна больница в Самарской области не стала бы держать под потолком полынь. Наши больницы держат под потолком в основном плесень.

Я пошевелила пальцами. Пальцы шевелились. Это было хорошо. Я пошевелила ногами. Ноги тоже были на месте, только какие-то не мои: лёгкие, длинные, и коленка не хрустнула. Моя правая коленка хрустела с тридцати пяти лет, я к ней привыкла, как к соседке за стеной.

Я села.

Комната была маленькая. Кровать с продавленным тюфяком, сундук, табурет, оконце с мутным стеклом, на подоконнике мёртвая герань. На табурете стояла кружка с чем-то бурым. Я понюхала: травяной отвар, давно остывший, с плёнкой. Пахло мятой и чем-то сладковатым, неприятным, как пахнет у бабушек в шкафу за коробками.

– Не пей, – сказал кто-то. – Оно третий день стоит.

Я повернула голову. На сундуке сидел кот.

Кот был рыжий, крупный, с белой манишкой и выражением лица, какое бывает у налогового инспектора, когда он видит вашу декларацию. Он смотрел на меня жёлтыми глазами и не моргал.

– Хорошо, – сказала я, потому что кот был прав, отвар пить не стоило.

Потом до меня дошло.

– Ты говоришь, – сказала я.

– А ты, выходит, слышишь, – ответил кот и сощурился.

– Интересно. Раньше ты не слышала. Раньше ты вообще ничего не слышала, только плакала и пила эту дрянь.

Глаза я закрыла, сосчитала до десяти и открыла. Кот сидел на том же месте и вылизывал лапу.

У меня есть привычка, оставшаяся от работы: когда происходит непонятное, я начинаю собирать анамнез. Это успокаивает. Жалобы, давность, что ели, сколько спали. Поэтому я спросила:

– Где я?

– Дома, – сказал кот.

– А конкретнее?

– Харчевня «Три колодца», Кривой тракт, полдня до Ольховца, если на телеге, и полтора, если пешком и с твоими ногами.

– А я кто?

Кот перестал вылизываться и посмотрел на меня очень внимательно.

– А вот это, – сказал он медленно, – хороший вопрос.

Я спустила ноги на пол. Пол был ледяной, и ноги на нём были узкие, бледные, с длинными пальцами. Ногти обкусанные. Мои ноги сорок первого года выпуска были на размер больше и с педикюром цвета «пыльная роза», я делала его в пятницу. Я посмотрела на руки. Руки тоже были чужие:

тонкие запястья, веснушки, кожа на костяшках шелушится. Холодные. Очень холодные, как бывает при низком гемоглобине и пустом желудке.

На стене висело зеркало, маленькое, в оловянной раме, с отбитым уголком. Я подошла к нему, держась за стену, потому что голова кружилась.

Из зеркала на меня смотрела девушка лет двадцати пяти. Рыжеватая, с веснушками на носу, с серыми глазами и синими тенями под ними. Скулы торчали, губы обветрены, волосы тусклые и собраны в косу, которую явно не расчёсывали несколько дней. Хорошенькая, если откормить. Сейчас она была похожа на свечку, которую забыли задуть.

Я подняла руку. Девушка подняла руку. Я сказала: «Батюшки». Девушка сказала: «Батюшки» моим голосом, только моложе.

Потом я сделала то, что на моём месте сделал бы любой нутрициолог: высунула язык. Язык был бледный и гладкий, как обмылок, в уголках рта трещинки. Железо, сказал мне язык. Железо и витамины группы В, и давно. Девушка в зеркале показывала мне язык с таким же профессиональным интересом.

– Ну, – сказал кот за спиной. – Убедилась?

Я повернулась к нему.

– Как её звали?

Кот одобрительно дёрнул ухом. Видимо, вопрос был правильный.

– Вейра. Вейра Лисс. Вдова Томаса Лисса, хозяйка этого заведения. Двадцать четыре года, по хозяйству ничего не умела, готовить тоже, зато хорошо вышивала и красиво грустила у окна.

– А где она сейчас?

Кот помолчал.

– Позавчера ночью она перестала дышать, – сказал он наконец, без всякого ехидства. – Я сидел рядом. Под утро она снова задышала. Только это уже была не она. Я сразу понял. Она бы спросила, кто её покормит, а ты спросила, где ты. Совсем разные вопросы.

Я села обратно на кровать, потому что ноги решили, что с них хватит.

Значит, вот как. Вот тебе, Вера Андреевна, и гололёд. Где-то в Самаре сейчас, наверное, суета, скорая, банка с капустой на льду. Митя звонил. Он звонил, а я не ответила.

Мне стало так холодно, что зубы стукнули. Я обхватила себя руками и посидела так, глядя в пол. Не плакала. Я вообще плохо плачу, у меня от слёз сразу заложен нос и болит голова, поэтому организм давно выбирает другой путь: он начинает думать о практических вещах.

Митя взрослый. Ему девятнадцать, он учится в Питере на втором курсе, живёт в общежитии и сам платит за телефон. У него есть отец, с которым мы развелись спокойно и без битья посуды, и есть моя мама, которая будет кормить его котлетами до самой его пенсии. Он справится. Я двадцать

лет учила его справляться. Он умеет варить гречку, отличает свежую курицу от несвежей и знает, что витамин D зимой надо пить. Пьёт ли, это другой вопрос, но знает.

Я сказала себе это три раза, и холод немного отступил.

– Ты ела когда-нибудь? – спросила я кота.

Кот оскорбился.

– Я ем всегда, когда дают. А дают тут редко.

– Не ты. Она. Вейра.

– А, – кот подумал. – Мало. Хлеб. Иногда яблоко. Отвар. В основном отвар.

Я посмотрела на кружку с бурой жидкостью. На ногти. На шелушащиеся руки. Худое тело, тяжёлая голова, холодные пальцы, апатия, плачет, не ест полгода. Если бы такая клиентка пришла ко мне на приём, я бы первым делом отправила её сдать кровь, а вторым посадила бы есть. Ферритин у неё, готова поспорить, был ниже плинтуса.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Шафран, – сказал кот с достоинством. – Полное имя длиннее, но ты не выговоришь.

– А меня Вера.

– Вера, – повторил кот, пробуя. – Вейра и Вера. Почти одно и то же. Удобно. Никто не заметит, если будешь откликаться.

– Шафран, – сказала я, – где тут кухня?

У кота впервые за весь разговор сделалось человеческое выражение. Я бы назвала его надеждой.

Кухня была внизу, и лучше бы я её не видела.

Лестница скрипела на каждой ступеньке, причём каждая ступенька скрипела своей нотой, и вместе они складывались во что-то похоронное. Внизу был общий зал: шесть столов, лавки, стойка, большой камин, холодный и чёрный. На столах лежала пыль серьёзная, многомесячная, с характером. На ней можно было писать пальцем стихи. Ставни были закрыты, свет пробивался в щели полосами, и в этих полосах плавали пылинки. На стене висела доска с надписью мелом: «Похлёбка – 3 медяка. Хлеб – 1. Пиво – 2». Мел выцвел.

Кухня оказалась за стойкой. Огромная печь, белёная когда-то, сейчас серая, с трещиной по боку. Котлы на крюках. Длинный стол, весь в зарубках от ножей. Полки с горшками. И запах: холодной золы, мышей и прокисшего чего-то, что когда-то было едой.

Ларь я открывала с опаской, и не зря. Там лежали полмешка муки, в которой кто-то жил, луковица, проросшая зелёным пером, и кусок сала, такой старый, что он почти окаменел. На полке стояли горшки: в одном соль, комками, в другом крупа, кажется ячневая, в третьем мёд, засахарившийся до состояния кирпича. Мёд меня обрадовал. Мёд не портится, мёд находили в египетских гробницах. Если я теперь живу в каком-то подобии гробницы, мёд мне в самый раз.

– Печь, – сказала я. – Давай растопим печь.

– Не растопишь, – сказал Шафран. Он сидел на столе, хотя котам на столе не место, но спорить с ним сейчас я не стала.

– Почему?

– Он не даст.

– Кто он?

Шафран покосился на печь. Из устья, из чёрной глубины, на меня смотрели два глаза. Маленькие, круглые и очень злые.

Я моргнула. Глаза исчезли.

– Так, – сказала я. – Это мы обсудим позже.

Я решила начать с того, что можно сделать без печи. На заднем дворе, если верить коту, был колодец. Я нашла ведро, открыла заднюю дверь и вышла.

И там я остановилась.

За домом был сад. Точнее, когда-то был сад, а теперь была дикая, весёлая, наглая чаща. Грядки угадывались по каменным бортикам, но из них лезло всё сразу: какой-то куст с серебристыми листьями, высокая трава с жёлтыми зонтиками, лопухи размером с зонт, мята, которая захватила полдвора и явно собиралась идти на соседей. Пахло так, что у меня закружилась голова, на этот раз по-хорошему. Осень стояла тёплая, листья на старой яблоне были жёлтые, а на ветках висели яблоки, красные, крупные, никем не собранные. Под яблоней их лежало столько, что ступить было некуда.

Посередине двора стоял колодец. Каменный сруб, поросший мхом, деревянный ворот, ведро на цепи. За ним, ближе к ограде, торчали ещё два сруба, но эти были завалены камнями и досками.

Ведро я опустила в колодец. Цепь долго звенела. Ведро плеснуло где-то глубоко, и я стала крутить ворот. Ворот был тугой, руки у Вейры были слабые, и к тому времени, как ведро показалось над срубом, я пыхтела, как паровоз. Но вода была чистая, холодная, и пахла снегом. Я зачерпнула ладонью и выпила.

Не знаю, что я ожидала. Вода и вода. Но по горлу прошёл холодок, а потом в груди стало тепло, и голова, которая с самого пробуждения была ватная, прояснилась. Я выпила ещё.

– Хорошая вода, – сказала я коту, который вышел следом и сел на пороге.

– Лучшая на всём тракте, – сказал Шафран. – За ней раньше специально заезжали. Раньше вообще сюда заезжали.

Яблок я набрала в подол, потому что ни корзины, ни сил искать корзину у меня не было, и вернулась в дом. Вымыла два яблока, разрезола их ножом, который нашла на столе, соскоблила немного мёда. Положила ломтики на тарелку. Подумала и положила кусочек сала, отрезав с него самое страшное. Шафрану тоже отрезала, он съел, не выпендриваясь.

Ела я медленно. Желудок Вейры от еды отвык, и его надо было уговаривать. Яблоко было кислое, сладкое, хрусткое, сало солёное, мёд таял на языке. Я жевала и чувствовала, как тело вокруг меня оживает. По рукам пошло тепло. Тут я себя одёрнула: от двух яблок гемоглобин не растёт, это сахар в крови и самовнушение. Но самовнушение в моём положении тоже был ресурс, и я решила его не обесценивать.

Вот теперь можно было думать.

– Шафран, – сказала я, – а деньги в доме есть?

Кот вздохнул так, что у него дёрнулись усы.

– В сундуке наверху. Под вышивкой. Там и бумага лежит.

Ты её прочитай, только сначала доешь.

Я доела. Потом поднялась наверх, открыла сундук. Сверху лежали вышивки: салфетки, наволочки, рушник с петухами. Петухи были вышиты прекрасно. У прежней хозяйки были руки, жаль, что она занимала их не тем. Под вышивкой нашёлся кошелёк. В кошельке звякнуло. Я высыпала на кровать: одна серебряная монета, потёртая, с профилем какого-то бородатого мужчины, и одиннадцать медных.

А под кошельком лежало письмо.

Бумага плотная, сложена вчетверо, с красной сургучной печатью, уже сломанной. Почерк писарский, с завитушками. Я развернула и стала читать. Читала я, кстати, без труда, хотя буквы были не наши. Видимо, вместе с телом мне досталась и грамота. Хоть что-то полезное.

«Вдове Вейре Лисс, хозяйке заведения "Три колодца" на Кривом тракте.

Настоящим уведомляем, что долговая расписка покойного Томаса Лисса на сумму сорок золотых ольдов, данная под залог дома, земли и всех построек, перешла к новому держателю. Срок уплаты истекает в последний день месяца листопада. Буде долг не уплачен, дом, земля и постройки отходят держателю расписки по закону королевства Вельдра. Писано

в Ольховце, в ратуше, в первый день листопада».

Подпись писаря. Имя держателя не указано. Хитро.

– Шафран, – позвала я. Кот уже сидел на сундуке, он умел появляться бесшумно. – Какое сегодня число?

– Второе листопада, – сказал кот. – Ты три дня лежала.

Если месяц тут длится примерно как наш, у меня оставалось двадцать восемь дней.

Сорок золотых. Я не знала, много это или мало, поэтому спросила.

– Один золотой – это двадцать серебряных, – сказал кот. – Серебряный – двадцать медяков. Миска похлёбки тут стоила три медяка. Сосчитаешь?

Я сосчитала. Цифра получилась такая, что мне захотелось лечь обратно и полежать ещё три дня. Пять тысяч триста с лишним мисок похлёбки. Это если продавать по двести мисок в день, без выходных и без затрат на продукты. А у меня не было продуктов. И печи не было. И посетителей.

Я сидела на кровати с письмом в руке и смотрела в окно, на сад, на жёлтую яблоню. На ветке сидела какая-то птица и чистила перья. Внизу, в кухне, что-то тихо стукнуло, как будто кто-то обиженно повернулся в печи.

И тут, по всем законам жанра, в дверь постучали.

Три тяжёлых ровных удара, от которых задребезжало стекло в окне. Так стучат люди, которые привыкли, что им открывают, а если не открывают, возвращаются с плотником и бумагой.

Шафран прыгнул с сундука, подошёл к окну, встал на задние лапы и выглянул. Шерсть у него на загривке встала дыбом.

— Ох, — сказал он. — Ох, хозяйка. Это королевский инспектор трактов. Он приехал закрывать харчевню.

* * *

Глава 2. Инспектор с инеем на ресницах

Есть вещи, которые женщина за сорок умеет делать при любых обстоятельствах. Например, открывать дверь проверяющим. Я открывала её санэпидемстанции, пожарным, налоговой, участковому, свекрови и однажды съёмочной группе местного телевидения, которая хотела снять сюжет про вред сахара и очень расстроилась, узнав, что я не собираюсь запрещать торты. Так что я поправила косу, вытерла руки о юбку, спустилась по похоронной лестнице и открыла.

На пороге стоял холод.

Я понимаю, как это звучит. Но первое, что я почувствовала, был сквозняк. Осенний день за дверью был тёплый, солнечный, пах яблоками, а от человека на пороге тянуло так, будто открыли морозилку. У меня мгновенно замёрзли щиколотки.

Потом я разглядела самого человека.

Он был высокий, мне пришлось задрать голову. Худой, это было видно даже под длинным тёмным плащом с меховым воротником. Плащ в такую погоду, когда в саду жужжат последние пчёлы. Лицо узкое, с резкими скулами и прямым носом, кожа бледная, губы сухие и в трещинках. Волосы тёмные, коротко стриженные, а над левым виском шла седая

прядь, белая, как соль. На груди на цепочке висел серебряный знак: раскрытое крыло. Глаза были серые, светлые, прозрачные, и на ресницах у него лежал иней.

Настоящий иней. Мелкие белые кристаллики на тёмных ресницах.

Я уставилась на них, и это было ошибкой, потому что он заметил.

– Вдова Лисс? – спросил он. Голос низкий, сухой, без интонации, так говорят люди, которые зачитывают приговор и думают при этом о чём-то своём.

– Она самая, – сказала я. – А вы?

– Лорд Кайрен Дорн, королевский инспектор Кривого тракта. – Он не поклонился. Он вообще, кажется, не тратил движений на то, что можно не делать. – Мне сообщили, что ваше заведение не работает с середины лета. Я приехал убедиться.

За его плечом, у коновязи, стояли две лошади. Возле них топтался молодой человек в синем мундире, рыжий, круглолицый, с веснушками размером с горох. Он поймал мой взгляд, улыбнулся во весь рот и тут же сделал серьёзное лицо, потому что лорд Дорн слегка повернул голову.

– Проходите, – сказала я. – Только у нас не топлено.

– Я заметил, – сказал лорд Дорн и вошёл.

Он двигался по моему залу так, как я сама двигалась бы по чужой кухне, если бы мне платили за найденные ошибки, и платили сдельно. Провёл пальцем в перчатке по столу,

посмотрел на палец. Открыл ставню, впустил свет, и стало видно всё: пыль, паутину, мышиный помёт вдоль стены. Подошёл к доске с ценами, прочёл, хмыкнул. Заглянул в камин. Наклонился над стойкой, увидел за ней кухню, и туда тоже пошёл.

Я шла следом и чувствовала себя школьницей, которую вызвали к доске без домашнего задания. Это было неприятно. Я отвыкла от этого чувства лет двадцать назад.

На кухне он остановился у печи. Из устья, я была уверена, на него смотрели те самые злые глазки, но лорд Дорн, если и видел их, виду не подал.

– Печь холодная, – сказал он.

– Она ремонтируется.

Из-под ларя вышла мышь. Посмотрела на лорда Дорна, на меня, оценила обстановку и с достоинством ушла обратно, как постоялица, которой не понравился сосед по столу.

– Мыши, – сказал лорд Дорн.

– Одна мышь, – поправила я. – Она у нас на постоянной основе. Платит тишиной.

Он даже не моргнул.

– Ларь пустой.

– Я как раз собиралась на рынок.

– На какие деньги?

Тут я замолчала. Хороший вопрос, на который у меня был ответ: «на одиннадцать медяков и один серебряный», и ответ этот был так себе.

Лорд Дорн повернулся ко мне. Иней на его ресницах не таял, хотя в кухне было не так уж холодно. Я невольно сделала шаг назад, и мне стало стыдно, что я сделала шаг назад.

– Госпожа Лисс, – сказал он. – Объясню коротко. Харчевня на королевском тракте держит патент. Патент даёт право брать с проезжих деньги и обязывает их кормить и давать ночлег. Ваш патент истёк в конце жатвения, продлён не был. Заведение не работает. Обоз из Арвены на прошлой неделе прошёл мимо, потому что ворота были закрыты, и ночевал в поле. Купец потерял две лошади от холода и подал жалобу. Тракт без харчевни через каждые полдня пути становится опасным. По закону я обязан снять вашу вывеску и передать патент тому, кто будет работать.

– Кому?

– Желающих хватает.

Я подумала, что знаю, по крайней мере, одного желающего. Того, чьего имени не было на письме о долге.

– Сколько стоит продлить патент? – спросила я.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

– Один серебряный в год.

У меня в кармане фартука лежал один серебряный. Вселенная, видимо, обладала чувством юмора. Я вытащила монету и протянула ему на ладони.

Лорд Дорн посмотрел на монету. Потом на меня. Потом снова на монету.

– Патент продлевают заведению, которое работает, – ска-

зал он.

– Оно будет работать.

– Когда?

– Скоро.

– «Скоро» не срок.

Рыжий адъютант, который тихонько вошёл следом и встал в дверях, кашлянул. Лорд Дорн не обернулся, но кашлять адъютант перестал.

Я опустила руку с монетой и вдохнула. Есть такая штука, которую я использовала на приёмах, когда клиент говорил: «Я пробовал всё, ничего не работает». Нужно перестать спорить и предложить конкретное. Маленькое и выполнимое.

– Давайте так, – сказала я. – Вы, наверное, с дороги. Садитесь, я вас угощу, а вы мне расскажете, что вам нужно увидеть, чтобы не снимать вывеску. Список. По пунктам. Я люблю списки.

Он чуть приподнял бровь. На брови тоже был иней.

– Угостите? Чем?

Хороший вопрос номер два.

Я усадила их в зале, за стол, который протёрла собственным фартуком, и принесла то, что у меня было: яблоки, нарезанные дольками, полукруглыми и ровными, как я резала Мите в детстве, мёд в плошке и две кружки колодезной воды. Воду я налила из ведра, которое оставила в кухне. Она по-прежнему пахла снегом.

Рыжий адъютант посмотрел на яблоки так, что я сразу по-

няля: этот человек ел последний раз вчера вечером, и то наспех. Он взял дольку, макнул в мёд и откусил. Глаза у него стали круглые.

– Милорд, – сказал он с набитым ртом, – попробуйте, они...

– Ройс, – сказал лорд Дорн.

Ройс закрыл рот и жевал молча, но с выражением глубокого счастья.

Лорд Дорн к яблокам не притронулся. Он взял кружку с водой, видимо из вежливости, просто подержал её в руке. И я увидела, как по стенкам кружки поползла белая изморозь. Тонкая, узорчатая, от его пальцев вверх. Вода в кружке подёрнулась ледком. Он заметил, что я смотрю, и поставил кружку на стол. Изморозь осталась.

Я ничего не сказала. Я смотрела на него так, как смотрела на всех, кто садился напротив меня за пятнадцать лет практики.

Бледность с синевой у губ. Сухие трещины в уголках рта: это у нас называется заеды, и бывают они, когда не хватает витаминов группы В и железа. Ногтей не видно, руки в перчатках, но он их не снимает, и это тоже говорит. Сидит прямо, но спина держится на силе воли, плечи напряжены, как у человека, которому всё время холодно. скулы острые, и порода тут ни при чём: под кожей просто ничего нет. Он отказался от еды, но посмотрел на мёд. Один раз, быстро. Посмотрел так, как смотрят на фотографию моря, когда в

отпуск не едут уже третий год.

– Вы давно не ели, – сказала я.

Он поднял глаза. Ройс поперхнулся яблоком.

– Простите?

– У вас заеды, – сказала я, – и вы мёрзнете в шубе в тёплый день. И вы смотрите на мёд, но не берёте. Значит, вы не едите не потому, что не голодны.

Тишина была такая, что я услышала, как в кухне в печи кто-то хмыкнул.

– Госпожа Лисс, – произнёс лорд Дорн очень ровно. Иней на его ресницах стал гуще, и я поняла, что он злится. – Мой обед не входит в предмет проверки.

– Конечно, – сказала я. – Я просто отметила. Привычка.

– Привычка вдовы трактирщика рассматривать гостей?

– Привычка хозяйки, которая хочет, чтобы гости возвращались.

Он посмотрел на меня ещё секунду, а потом поднялся. Резко, одним движением. Плащ качнулся, по полу прошёл холод.

– Ройс, запиши, – сказал он, не глядя на адъютанта, и тот вытащил из-за пазухи книжечку и карандаш. – Заведение «Три колодца». Патент просрочен. Хозяйка просит отсрочку. Отсрочка предоставлена до последнего дня листопада, в этот день я буду возвращаться с северного поста и заеду. К этому сроку в заведении должны быть: огонь в печи, горячая еда для проезжих, чистые комнаты для ночлега и хотя

бы один постоялец, который подтвердит, что его накормили и не отравили. Если чего-то из этого не будет, вывеска снимается, патент передаётся. Серебряный примите, Ройс.

Ройс записал, вскочил, поклонился мне и забрал монету с моей ладони. Пальцы у него были тёплые и липкие от мёда.

– Спасибо за яблоки, госпожа, – шепнул он, наклоняясь.
– Правда. Очень.

– Ройс.

– Иду, милорд.

Лорд Дорн уже стоял в дверях. Я пошла его проводить, потому что так положено и потому что не хотелось, чтобы последнее слово осталось за ним. Он остановился на пороге, обернулся и посмотрел не на меня, а куда-то за меня, вглубь дома. В сторону кухни и задней двери, за которой был сад и колодец.

– У вас хорошая вода, – сказал он вдруг.

– Вы же её не пили.

– Я её почувствовал. – Он помолчал и добавил тоном, каким сообщают прогноз погоды: – Не продавайте этот дом, госпожа Лисс. Даже если вам предложат хорошую цену.

И ушёл, прежде чем я успела спросить, что он имеет в виду.

Я стояла на пороге и смотрела, как они уезжают. Лорд Дорн сидел в седле прямо, ни разу не обернулся. Ройс обернулся дважды и помахал. От копыт поднималась пыль, солнце садилось за дорогой, за полем, и всё вокруг стало медо-

вым и розовым. Тракт был пустой и длинный в обе стороны.

На крыльцо вышел Шафран и сел рядом.

– Ну? – спросила я.

– Дракон, – сказал Шафран. – Из Дорнов. Старый род, се-
верный. Говорили, что у Дорнов огонь в крови такой, что они
зимой без плаща ходят. А этот, видела, в шубе. И иней. Нехо-
рошо с ним. Проклят он, вот что. Котам такое сразу видно,
у проклятых запах как у погребя.

– Дракон, – повторила я. В голове это слово никак не укла-
дывалось рядом с человеком, у которого заеды. С другой сто-
роны, у меня был говорящий кот. Пора было перестать удив-
ляться и начать работать.

– Двадцать восемь дней, – сказала я вслух. – Печь, еда,
комнаты, постоялец. И сорок золотых долга. И одиннадцать
медяков.

– Ты считаешь вслух, как мой прежний хозяин, – заметил
Шафран. – Бабка Вейры. Она тоже всё время считала.

– И как, помогало?

– Харчевня при ней процветала. – Кот подумал. – Правда,
ей и печь не бастовала.

Мы зашли в дом. В сундуке, под вышивками, я ещё днём
заметила тетрадку в кожаной обложке: Вейра записывала в
неё узоры. Половина листов была чистая. Я нашла огрызок
карандаша, села к окну, пока не стемнело, и на первой чи-
стой странице написала по-русски, крупно: «План». Русские
буквы выглядели здесь странно, угловато, но рука их помни-

ла.

Ниже я написала: «1. Печь (договориться с тем, кто в ней живёт). 2. Еда (на 11 медяков). 3. Комнаты (вымыть). 4. Постоялец (найти живого и накормить так, чтобы не умер). 5. Долг 40 зол. (?)». Вопросительный знак я обвела два раза.

Потом подумала и сбоку, мелко, приписала: «Дракон. Заеды, холод, не ест. Анемия? Дефицит белка? Почему не ест, если хочет?»

Это была плохая привычка. У меня не было права записывать в клиенты человека, который пришёл меня закрывать. Но рука уже написала, и я не стала зачёркивать.

Я доела оставшиеся яблоки, отдала коту последний кусок сала, поднялась в спальню и легла, не раздеваясь, под одеяло, которое пахло пылью и полынью. Тело Вейры было слабое, его сегодня покормили впервые за много дней, и оно хотело спать. Я не стала с ним спорить. Мне надо было, чтобы завтра оно встало.

Уснула я быстро и спала, видимо, крепко, потому что проснулась от того, что Шафран сидел у меня на груди и давил лапой мне на щёку.

– Тихо, – прошипел он мне в ухо. – Не вставай резко. Иди к окну.

В комнате было темно. Луна светила в окошко, белая, круглая, как блюдце. Я сползла с кровати, на цыпочках подошла к окну и глянула вниз, в сад.

У колодца кто-то был.

Тёмная фигура в плаще с капюшоном. Человек стоял на коленях у самого сруба и копал. Я слышала глухой стук лопаты о камень и шорох земли. Он копал рядом с основанием колодца, торопливо, оглядываясь, и рядом с ним на траве лежал мешок.

А колодец светился.

Из-под деревянной крышки, из щелей между камнями сруба, шёл тусклый голубоватый свет. Он пульсировал медленно, ровно, как дышит спящий человек. И с каждой вспышкой человек с лопатой копал всё быстрее.

* * *

Глава 3. Домовой на забастовке

У меня нет опыта борьбы с ночными грабителями. Зато у меня есть опыт мамы мальчика, который в четырнадцать лет пытался вернуться домой в три часа ночи через балкон второго этажа. Поэтому я сделала то, что делала тогда: распахнула окно и рывкнула на весь двор голосом, от которого у Мити в своё время подкашивались колени.

– А ну стоять! Я всё вижу! Сейчас стража приедет!

Никакой стражи у меня, разумеется, не было. Но человек у колодца этого не знал. Он подскочил, уронил лопату, схватил мешок и рванул через сад к ограде, ломая мяту. Перемахнул через ограду неловко, зацепился плащом, что-то треснуло, и он пропал в темноте за полем. Я услышала, как вдалеке заржала лошадь и простучали копыта.

Свет в колодце погас, сразу, как задули свечу.

– Ну ты даёшь, – сказал Шафран с уважением.

У меня тряслись колени. Тело Вейры к таким упражнениям не привыкло. Я закрыла окно, села на пол прямо под ним и посидела, пока сердце не перестало колотиться в горле.

– Кто это был? – спросила я.

– Не разглядел. Плащ, сапоги, пахнет мятой. Тут половина Ольховца пахнет мятой, они её в аптеке раздают, от нервов.

– Что он искал?

Кот долго молчал. Потом сказал неохотно:

– Утром посмотришь. Ночью к колодцу не ходи.

Утром я посмотрела.

У основания сруба, с той стороны, что глядела на поле, была вырыта яма в локоть глубиной. Земля раскидана, мята примята. На дне ямы виднелся камень сруба, и на этом камне, на самом нижнем, был выбит знак: круг, а в нём что-то вроде ложки и колоса крест-накрест. Знак был старый, почти стёртый, затянутый мхом. Ниже копать не успели. Рядом валялась брошенная лопата, хорошая, с кованым краем, и клочок тёмной шерстяной ткани на ограде.

Ткань я сняла и положила в карман. Лопату забрала в дом. В хозяйстве пригодится, а если её хозяин захочет вернуть, пусть придёт и попросит.

– Что это за знак? – спросила я кота.

– Знак кормилиц, – сказал Шафран, не глядя на меня. – Бабка твоя ставила. То есть её бабка. Неважно. Потом расскажу.

– Шафран.

– Потом, – сказал кот твёрдо. – Сначала печь. Я не могу думать о важном, когда в доме нет горячего.

Тут я была с ним полностью согласна.

Печь стояла в кухне, огромная, серая, с трещиной на боку, и молчала. Я нашла за печью охапку сухих поленьев, на полке кремень и кресало, разобралась с ними не с первого раза, но разобралась, наложила в устье щепы, высекла искру. Щепы загорелась. Весело так, с треском. Я обрадовалась.

Огонь погас. Сам. Как будто на него дунули изнутри.

Я высекла снова. Огонь загорелся и погас. Третий раз из печи вылетело облачко золы, прямо мне в лицо. Я закашлялась, а в глубине устья кто-то отчётливо хихикнул.

Я вытерла лицо фартуком, отступила на шаг и посмотрела на печь так, как смотрела на клиентов, которые уверяли меня, что едят «как птичка», а сами ночами доедали торт.

– Так, – сказала я. – Я знаю, что вы там.

Тишина.

– Я Вера, – сказала я. – Новая хозяйка. Я понимаю, что у вас были основания обижаться на прежнюю. Я тоже на неё немного обижаюсь, если честно, она мне оставила дом в ужасном состоянии. Давайте поговорим как взрослые люди.

Из печи донеслось сопение. Потом скрипучий, обиженный голос, похожий на звук, с которым открывается старая дверца:

– Я не люди.

– Хорошо. Как взрослые жилыцы одного дома.

– Год, – сказал голос. – Целый год. Ни разу не побелила. Ни разу каши не поставила. Ни блюдечка молока. Ни «здравствуй, хозяин-батюшка». Плакала тут, сопли на загнетку роняла. Отвар свой ставила греть, вонючий. А я что? Я терпел. Терпел, терпел, а потом и говорю: всё. Забастовка. Хотите огня, уважайте.

Из устья высунулась голова. Маленькая, лохматая, вся в саже, с носом картошкой и бородой, в которой застряли

угольки. Глаза круглые, злые и немного мокрые.

– Пыхтей я, – сказал домовый с достоинством. – По ба-
тюшке Запечный.

– Очень приятно, Пыхтей Запечный, – сказала я серьёзно
и даже слегка поклонилась. – Какие у вас условия?

Домовой опешил. Похоже, условия у него никто никогда
не спрашивал.

– Условия, – повторил он и почесал бороду. – Условия,
значит. Значит, так. Каша. С маслом. Масла чтоб много, чтоб
глазок плавал. Молока блюдечко, каждый вечер. Печь побе-
лить к празднику. И разговаривать. Утром здороваться, ве-
чером прощаться. И чтоб никаких вонючих отваров на моей
загнетке.

– Принято, – сказала я. – Но есть сложность. Каши без
огня не сварить.

Пыхтей прищурился.

– А ты на дворе свари. Докажи, что не врёшь. А потом уж
я тебе огонь дам.

Вот так я оказалась в собственном саду с котелком над
коштом, как в пионерском лагере.

Костёр я сложила из камней за колодцем, подальше от
ямы. Котелок нашёлся на кухне, закопчённый, но целый.
Ячневую крупу я перебрала, выкинула всё подозрительное,
промыла три раза колодезной водой. Крупа была старая, пах-
ла пылью, но после третьей воды запахла полем. Поставила
вариться.

Масла не было. Молока тоже. Была одна большая проблема, и решить её на одиннадцать медяков пешком я не могла, потому что до Ольховца полтора дня.

Решение упало с яблони.

Я стояла у котелка и мешала кашу ложкой, когда над головой хрустнула ветка, кто-то ойкнул, и с яблони прямо мне под ноги упал мальчишка. Вместе с ним упали три яблока и холщовая сумка, из которой выкатилось ещё штук двадцать.

Мальчишка был лет десяти. Тощий, загорелый, лохматый, в рубаше с чужого плеча, подвязанной верёвкой. Босой. Нос в царапинах, на коленке ссадина. Он сел, посмотрел на меня, на котелок, на рассыпанные яблоки и мгновенно оценил обстановку. Я увидела, как он прикидывает расстояние до ограды.

– Не советую, – сказала я. – У меня тут кот. Он злой.

Шафран, который лежал на крышке колодца и грелся на солнце, приоткрыл один глаз и издал звук, похожий на ругательство.

Мальчишка остался сидеть.

– Я не воровал, – сказал он быстро. – Они всё равно падают. Гниют. Жалко же.

– Жалко, – согласилась я. – Как тебя зовут?

– Тимка.

– Тимка, ты знаешь, у кого тут поблизости есть корова?

Он моргнул. Он ждал, что я буду кричать или звать стражу. Про корову он не ждал.

– У тётки Малуши. Это вон там, за полем, где крыша с аистом. У неё три коровы, она молоко в Ольховец возит. Только она злая. Злее вашего кота.

– Отлично, – сказала я. – Значит, так. Ты сейчас берёшь эту сумку, кладёшь в неё все яблоки, которые нарвал, и ещё столько же. Идёшь к тётке Малуше. Говоришь, что вдова Лисс из «Трёх колодцев» меняет яблоки на кувшин молока и кусок масла. Если она торгуется, говоришь, что яблоки из бабкиного сада. – Я понятия не имела, что это значит, но кот однажды упомянул, что за водой сюда раньше специально заезжали, и я решила рискнуть. – Принесёшь масло и молоко, получишь миску каши. С маслом. И ещё одну на вечер.

Тимка смотрел на меня с подозрением.

– А если я не вернусь?

– Тогда ты останешься без каши, а я без масла. Обоим плохо. Мне кажется, ты не дурак.

Он подумал секунды две. Потом молча сгрёб яблоки в сумку, набрал ещё с земли, закинул сумку на плечо и побежал к ограде. Через ограду он перелетел, как будто у него были крылья.

– Не вернётся, – сказал Шафран.

– Вернётся, – сказала я. – Он видел котелок.

Пока Тимки не было, я обошла сад.

Я не ботаник, но нутрициолог, который пятнадцать лет объяснял людям, зачем им нужна зелень, кое-что в растениях понимает. И здесь, в этом заросшем, диком саду, я ходила

и узнавала. Не все и не сразу. Растения были похожи на наши и при этом немного не такие, как будто их рисовал кто-то по памяти.

Мята была мятой, только листья крупнее и пахли сильнее, до холодка в носу. Тысячелистник с белыми зонтиками. Крапива, жгучая, сочная, вымахавшая мне по пояс, и я обрадовалась ей как родной: крапива это железо, и в весенних супах, и в осенних. Ноготки, рыжие, как Шафран, их тут было целое море. Чабрец по камням, и он пах так, что хотелось лечь в него лицом. Лопух, который у нас едят только в Японии, а зря.

А потом было то, чего у нас нет. Куст с красными корнями, торчащими из земли, я выдернула один, разломила, и у меня сразу зашипало в носу. Острый пряный запах, похожий на имбирь, но гуще и с дымком. Я лизнула срез и чуть не задохнулась: во рту загорелось, а потом по телу прошла волна тепла, до самых пальцев ног. Я назвала его про себя жгучим корнем и решила, что он мне очень пригодится. Был ещё цветок с жёлтыми, круглыми, плотными головками, которые поворачивались за солнцем; я назвала его солнечником. Был серебристый куст, листья которого пахли лимоном и мёдом сразу.

Всё это росло в начале листопада, как в июне, и вело себя соответственно. Я присела у грядки, потрогала землю. Земля была тёплая, влажная, хотя дождя, судя по всему, давно не было. Я посмотрела на колодец и подумала, что, может быть,

дело не только в земле.

Тимка вернулся, когда каша уже упрела и я сняла котелок с огня. Он перелез через ограду осторожнее, чем в первый раз, потому что в руках у него был глиняный кувшин, а за пазухой что-то завернутое в лопух.

– Она дала, – сказал он, отдуваясь. – Сначала орала. Потом попробовала яблоко. Потом сказала, что если это правда бабкины, то она даст ещё творога, если вы дадите ещё яблок. И сказала, что придёт посмотреть, какая вы.

В лопухе было масло. Жёлтое, домашнее, с каплями воды на боку. Я чуть не расплакалась от вида этого масла.

Первую миску я положила Пыхтею. Самую полную. Масла я положила столько, что оно плавало сверху золотым озерцом. Посолила щепотью. Сверху натёрла яблоко и полила мёдом. Отнесла на кухню, поставила на шесток, налила рядом в блюдечко молока, отступила и поклонилась.

– Здравствуй, хозяин-батюшка, Пыхтей Запечный. Прими кашу от новой хозяйки. Прости за прежнюю, она болела.

Из печи долго не было ни звука. Потом высунулась лохматая голова. Посмотрела на кашу, на молоко. Понюхала. Маленькая чёрная рука ухватила миску и утащила её внутрь. Послышалось чавканье. Потом шмыганье носом. Потом опять чавканье.

Потом в печи сам собой вспыхнул огонь.

Ровный и жёлтый, он загудел в трубе, и по кухне пошло тепло, как будто дом наконец выдохнул. Тимка, который сто-

ял в дверях, разинул рот.

– Кто это? – прошептал он.

– Наш домовой. Его зовут Пыхтей. Будь вежлив.

– Я буду, – сказал Тимка с горячностью. – Я всегда вежлив. Можно мне кашу?

Мы ели втроём, если считать кота, прямо на кухне, у тёплой печи. Каша была густая, сладкая от яблок, солёная от масла. Тимка ел так, как едят дети, которые не знают, когда поедят в следующий раз: сгорбившись над миской и загораживая её локтем. Я положила ему добавки, не дожидаясь, пока он попросит, и он посмотрел на меня так, что мне пришлось срочно отвернуться к печи и сделать вид, что я что-то там поправляю.

– Где ты живёшь, Тимка?

– Где придётся, – сказал он с набитым ртом. – Летом в стогу. Сейчас на мельнице, мельник не гоняет, если мешки таскать.

– Хочешь жить здесь? На чердаке. За работу и еду.

Он перестал жевать.

– Насовсем?

– Пока у меня есть дом. Сколько это продлится, я не знаю. Честно.

Тимка подумал, глядя в миску.

– Я согласен, – сказал он. – Только вы не врите мне, ладно? Мне все врут.

– Не буду, – сказала я.

К вечеру я взялась разбирать полки на кухне. Пыхтей, сытый и подобревший, светил мне огнём из печи. Я снимала горшки, нюхала, выбрасывала заплесневелое, мыла остальное. Тимка таскал воду. Шафран руководил с печной лежанки.

На верхней полке, в самом углу, стояла глиняная банка с притёртой крышкой. На крышке была печать, тёмно-зелёный воск с оттиском змеи вокруг чаши. На боку бумажка, аккуратным почерком: «Сонный сбор для вдовы Лисс. По щепоти трижды в день, заваривать кипятком. Мэтр А. Кравц, гильдейская лекарня Ольховца».

Я сняла крышку и понюхала.

Пахло мятой. Сильно, резко, так сильно, что щипало в носу. А под мятой, глубже, был другой запах. Сладковатый, тяжёлый, гниловатый. Тот самый, что был в кружке у кровати в первое утро. Я знала много сборов: валериана пахнет по-своему, пустырник по-своему, ромашка, хмель. Этот я не знала. Но у меня вдруг сжалось горло и зачесалось нёбо, а во рту появился привкус, как от медной монеты. И внутри, где-то под рёбрами, тело Вейры сказала мне совершенно ясно: «Не надо. Не надо больше».

Шафран спрыгнул с печи на стол, понюхал банку и отшатнулся. Шерсть у него поднялась вся, от ушей до хвоста.

– Убери, – сказал он хрипло. – Закрой. Этим она себя и поила. Полгода. До самой последней ночи.

* * *

Глава 4. Каша, которая мирит

Банку я закрыла. Овернула двумя тряпками, положила в старый ящик из-под свечей, ящик задвинула под кровать. Выбрасывать не стала. Я пятнадцать лет говорила клиентам: «Принесите баночку, посмотрим состав». Состав надо было посмотреть. Но не на ночь глядя и не в доме, где нет даже нормальной лампы.

Шафран ничего больше не сказал. Он лёг на сундук, свернулся бубликом, хвостом закрыл нос и сделал вид, что спит. Я легла и тоже сделала вид. Мы оба притворялись довольно долго, пока я не услышала, как он тихо, по-кошачьи вздохнул. Тогда я протянула руку и погладила его по спине. Он не ушёл.

Следующие три дня я мыла.

Есть люди, которые от нервов едят. Есть люди, которые от нервов пьют. Я от нервов мою. Митя в детстве говорил: если мама взялась за окна, значит, что-то случилось. В «Трёх колодцах» было двенадцать окон, шесть столов, две лестницы, четыре комнаты для постояльцев наверху, общий зал, кухня, кладовая и погреб. Мне хватило на всё моё беспокойство с запасом.

Тимка таскал воду и выносил мусор. Пыхтей грел воду в котлах и ворчал, что его загнетку заливают. Шафран ходил за мной по пятам и указывал места, которые я пропустила.

У него был глаз опытного санитарного врача.

Мы нашли в кладовой бочонок с солёными грибами, вполне приличными, и полмешка гороха без жуков. В погребе нашлась репа, морковь, свёкла, всё немного вялое, но живое. Под лестницей лежали связки лука. Это было богатство. Я сварила из всего этого похлёбку, и мы ели её два дня.

К третьему вечеру в зале пахло мылом и яблоками, а не мышами. Ставни были открыты, стёкла прозрачные, столы выскоблены добела. Пыхтей, разомлевший от того, что с ним здороваются, затопил камин, и в зале стало уютно. Я стояла посреди зала с мокрой тряпкой в руке и чувствовала то, что чувствуешь после генеральной уборки: что жизнь, в принципе, можно наладить.

На четвёртое утро пришла Малуша.

Я услышала её раньше, чем увидела. Со стороны поля, со стороны крыши с аистом, нёсся голос такой мощи, что с яблони взлетели воробьи.

– ...и ещё раз твоя пчела мою Зорьку в нос ужалит, я твои колоды в речку покидаю, старый ты пень!

Ответ был тише, но тоже не шёпотом:

– А ты свою Зорьку на моём клевере не паси! Межа где? Межа по камню! А камень где? Камень ты ещё при покойном муже передвинула!

– Я передвинула?! Я?!

Я вышла на крыльцо. По дороге от поля шли двое. Впереди большая, крепкая женщина лет пятидесяти, в синей юб-

ке, в переднике, с подоткнутым подолом, с кувшином в одной руке и корзинкой в другой. Лицо красное, щёки круглые, глаза быстрые. За ней, отставая на три шага, ковылял сухонький старик с белой бородой, в соломенной шляпе, опираясь на палку. Под мышкой у старика был горшочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.